

ЧУДО

Село наше, прямо сказать, – глухое село. От чугулки чуть ли не сто верст. В слякотную пору ты к нам лучше не суйся: ни пройти ни проехать. Есть у нас лесной волок верст на пятнадцать. Дорожка, скажу, мое почтение! Прошлой осенью тронулся я по великой нужде в уезд на базар – ну, волком и взвыл... Чтоб не соврать, каждую версту бранью выложил, что твоим булыжником.

Окаянная сторонка!

Так вот и живем. Народ у нас ко всему привычный. Есть старики суровых лет, а окромя своего поля да леса и свету не видывали. Такого ты и оглоблей не прошибешь, ежели насчет чего иного прочего толковать с ним. Которые помоложе, те, конечно, уже на другой колодке плетены. К примеру сказать, в особливой избе открыли читальню, как раз насупротив церкви. Раньше-то, бывало, сказки да побасенки, а нынче и в книжку носом торкаются. Борода у иного – что твой веник, а он по книжке про свеклу гудит, а то про заморские страны, чего у нас и не слыхивано. Да чего, нынче уже про сыроварню толкуют. И надоумил-то хоть бы кто путный, а то Панфишка, пастушонок, безродный парень, неизвестно чей и откуда; наняли нынче из милости, а он, стервец, под кустами книжки читает.

А что касемо чуда, то это верно: вышло у нас такое чудо, хитрее не придумаешь, хоть умри.

И замечь, ежели рассуждать по нашей дурости, вышло оно вроде как бы от креста да от самовара – больше ни от чего.

А вышло это так.

На самое, значит, рождество приезжает к нам Василий Курочкин, столяра Дементия сын. Ладно. Глядим, волокет из саней узелки разные, то да се. Долетал слышок: парень на лесопильном заводе орудует за машиниста. Оно и видно: одежда на нем честь честью, глядит не пентюхом, со всеми за ручку поздоровался, спросы да расспросы, житейством нашим интересуется, папиросками угостил. Покалякали мы – и разошлись.

Дело было утром, как раз обедня шла. А у нас такая манера завелась: сойдутся люди будто к обедне, а сами больше в читальне околачиваются. Сидим, значит, в читальне и видим из окошка: Курочкин Василий по улице идет. Ладно. Идет-то идет, а сам голову все чтой-то на колокольню задирает. Колокольня у нас, правду сказать, на удивление высокая, видная на десятки верст. Мы из окошек тоже выпучились, тоже давай на колокольню глядеть: чего-де там он высмотрел? Некоторые даже на крыльцо вышли и кличут:

– Василь Дементич, чего там? Аль галка?

– Нет, – говорит, – я насчет креста любопытство имею.

– А что он, крест-то?... Аль неправильный?

– Крест, – говорит, – правильный. А не хотите ли, – говорит, я вам чудо устрою? Дайте-ка мне сажень...

Представили ему сажень. И давай он этой саженью землю мерять от колокольни до читальни. Он меряет, а мы гурьбой за ним, как бараны. Промерял, кинул глазом по верхам.

– Выйдет, – говорит.

– Чего выйдет-то? – пытаем его.

– А вот, – говорит, – от этого самого креста и выйдет чудо.

– Какое такое чудо? – опять мы к нему.

– Не скажу, – говорит, – до срока. Сами увидите... Желаете?

– Коли не желать! – мы ему. – Давай, навастривай!

Тогда он встал около читальни, еще раз по верхам глянул, будто в сенокосную пору тучу высматривал, стукнул концом сажени в землю и говорит:

– Ройте вот тут яму поглубже, чтоб до самой воды.

Наши ребята живо явились с ломом, с лопатами. Разгребли снег, потюкали-потюкали: земля мерзлая, не дается. Притащили на то место дров, кострище развели, того и гляди село спалят... Отошла земля. Ребята почали рыть и рыть. А другие тем разом, глядим, ладят на конек избы предлинную жердину.

Василий же со жгутиком проволоки, глядим, лезет прямо на колокольню. Ждать-пождать, а он, как скворец, высовывается из слухового оконца в самой главе и ручкой этак нам почтение шлет... Каким-то манером подладился он